

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
СЕРГЕЙ АЛДОНИН

ЭМИГРАЦИЯ

РУССКИЕ НА ЧУЖБИНЕ

Русская история

Коллектив авторов

Эмиграция. Русские на чужбине

«Алисторус»

2023

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Коллектив авторов

Эмиграция. Русские на чужбине / Коллектив авторов —
«Алисторус», 2023 — (Русская история)

ISBN 978-5-00180-944-9

О феномене русской эмиграции первой волны не принято говорить объективно. Эта книга – рассказ от первого лица об идеологии, быте, иллюзиях русского зарубежья. Как они приживались на чужбине, как пытались сохранить свою культуру и вести политическую борьбу, как учились выживать. В чем смысл эмиграции, ее миссия и ее трагедия? Ответы на эти вопросы можно получить из книги, которую вы держите в руках. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-00180-944-9

© Коллектив авторов, 2023
© Алисторус, 2023

Содержание

Эмиграция – весёлая и грустная	6
Из «Мемуаров»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Алдонин

Эмиграция. Русские на чужбине

© Алдонин С., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Эмиграция – весёлая и грустная

Пересаженное дерево приживается не сразу и не всегда выживает. Это применимо и к роду человеческому. Россия и Советский Союз в XX веке пережили несколько волн эмиграции. Первая случилась еще до 1917 года. Но про нее редко вспоминают. Самой крупной была, конечно, послереволюционная волна, которую и принято называть первой – прежде всего, по масштабу. Она охватила более двух миллионов человек, по некоторым подсчетам – около трех миллионов.

Да, среди них было немало ярких личностей, некоторые из которых завоевали славу еще в прошлой жизни. Но в основном это были военные средней руки, у которых не было накоплений в западных банках и собственности в комфортабельных буржуазных странах. Они нуждались, с трудом находили работу. В таких условиях всегда проявляется взаимовыручка...

Русские эмигранты первой волны

Долгие годы эмиграция была организованной системой, очень политизированной – особенно ее внушительная армейская часть. Они долго мечтали о реванше, готовили боевые группы для свержения большевиков. Считали себя альтернативой Советской России, надеялись со временем заменить ее элиту. У эмиграции имелось немало идеологов – в основном, правого толка.

Неудивительно, что в 1941 году большинство европейского русского зарубежья поддержало Гитлера, а до этого они были без ума от Муссолини. Другое дело – те, кто нашел приют в Америке. Там выгодно было быть антифашистами – и они следовали выгоде вполне искренне. В то же время во Франции – крупнейшем центре русской эмиграции – тысячи русских людей были призваны в армию, которая сражалась с гитлеровцами, многие стали героями Сопротив-

ления. Были и такие, кто в первые дни войны пришел в советское посольство, предлагая свою помощь.

Считается, что в эмигрантской прессе царило относительное свободомыслие. Но с «чужаками» эмиграция умела расправляться, уничтожая репутации. Достаточно вспомнить, какую кампанию в зарубежной прессе развязали после возвращения на Родину писателя Алексея Толстого. Его считали, по меньшей мере, предателем. Да, со временем многие получили возможность оторваться от политически ангажированной системы. Но стержень русской эмиграции первой волны – это все-таки сугубо правая идеология, которую исповедовали, например, Дмитрий Мережковский или Иван Ильин. Люди, сохранявшие верность идеалам Февральской революции, чувствовали себя в эмиграции менее комфортно и к советской реальности относились теплее. Особенно – в годы Великой Отечественной. Это, например, Павел Милюков или Александр Керенский, признавшие, что Советский Союз оказался жизнеспособным. Словом, эмигрантам было, о чем поспорить – и многие ненавидели друг друга.

Сумели ли они сберечь в себе русское начало? Несколько десятилетий им это удавалось. Пресса, церковь, некоторые учебные заведения становились центрами русской культуры в разных странах. Им даже удалось всколыхнуть моду на все русское во многих странах – в ресторанах, на эстраде. Способных людей среди эмигрантов (которые предпочитали называть себя изгнанниками) было немало. Поколение внуков эмигрантов первой волны уже ощущали себя, в большей степени, американцами и французами, чем русскими. Хотя отказываться от своих корней в их среде не принято.

В этой книге собраны свидетельства иллюзий, трудностей и катастрофы русской эмиграции первой волны. Среди авторов – и звезды первой величины, такие, как Фёдор Шаляпин и Иван Бунин, и те, кто сумел порвать с эмиграцией и вернуться в Советскую Россию, как Александр Куприн, и апологеты эмиграции – например, Роман Гуль. Разноголосица мнений, фактов, свидетельств. Только так и можно получить подлинную картину этого феномена. Несколько десятилетий назад в России началась мода на «русское зарубежье». Их стали изучать, издавать, идеализировать. Но давайте посмотрим на эмиграцию без гнева и пристрастия. Это нам пригодится.

Сергей Алдонин

Эмиграция. Русские на чужбине

Открывали где-то рестораны,
Придумали какой-то аппарат,
Носили с голода газетные рекламы
И жен своих давали напрокат.

Мой брат в Иркутске сторожем больницы,
Отец в Германии в артелях рыбаков,
Сестра газетчицей уж больше года в Ницце,
А дядя в Венгрии на заготовке дров.

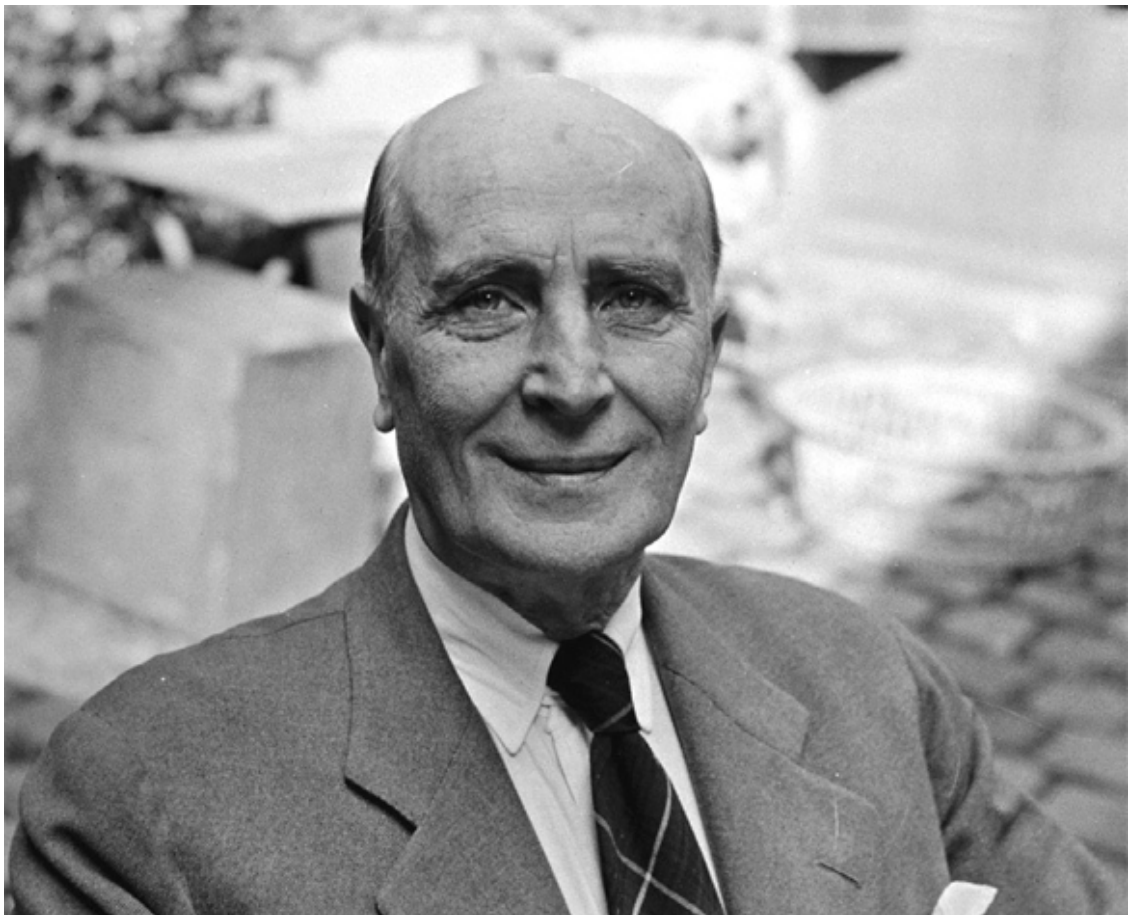
Из песни «Эмигрантское танго»

Из «Мемуаров»

13 апреля 1919 года эмигранты смотрели с палубы «Мальборо», как исчезает крымский берег, последние пяди родной земли, которую пришлось им покинуть. Одна и та же тревога, одна и та же мысль мучила их: когда возвращенье?.. Луч солнца, прорвавшись в тучах, осветил на миг побережье, усеянное белыми точечками, в которых всяк пытался различить свое жилище, бросаемое, быть может, навеки. Очертания гор таяли. Вскоре все исчезло. Осталось вокруг бескрайнее море.

На борту броненосца народу была тьма. Пожилые пассажиры занимали каюты. Кто помоложе устраивались в гамаках, на диванах и прочих случайных ложах. Спали где придется, многие просто на полу.

С горем пополам разместились все. Корабельная жизнь скоро наладилась. Главным занятием стала еда. После долгого-долгого вынужденного поста мы вдруг почувствовали, как оголодали. Никогда еще английская кухня не казалось столь изысканной! А белого хлеба мы и вкус-то забыли! Трехразового питания едва ли хватало утолить голод. Ели мы постоянно. Наша прожорливость не на шутку перепугала капитана. И то сказать: в два-три дня исчезали месячные припасы.

Феликс Юсупов

Утром мы вставали чуть свет, чтобы постоять на поднятии флагов и выслушать английский и русский гимны. Потом голодной ордой бежали на завтрак – сытный английский breakfast. Позавтракав, гуляли на палубе, с нетерпением ожидая обеда. Пообедав, ложились

соснуть до пятичасового чая. После чая до ужина – жить еще три часа. В ожидании слонялись по каютам или играли в карты.

В первый вечер молодежь собралась в коридоре. Расселись на баулах и саквояжах. По просьбе друзей я взял гитару и запел цыганские песни. Открылась дверь, из каюты вышла императрица Мария Федоровна. Кивком она просила меня продолжать, села на чей-то чемодан и стала слушать. Глянув на нее, я увидел, что глаза ее полны слез.

Впереди над Босфором сияло солнце в ослепительно синем небе. Позади – черные грозовые тучи опускались на горизонт, как завеса на прошлое.

У Принцевых островов нас обогнали другие корабли с крымскими беженцами, соотечественниками нашими и друзьями. Все они знали, что на «Мальборо» – вдовствующая императрица, и, проплывая мимо нас, встали на палубе на колени и спели «Боже, царя храни».

Пока стояли в константинопольском порту, побывали в соборе С в. Софии. На Принцевых островах великий князь Николай Николаевич с семьей пересели на броненосец «Лорд Нельсон», плывший в Геную, а мы на «Мальборо» продолжали путь на Мальту, где стараниями британских властей крымским беженцам приготовили жилье.

По прибытии очень сердечно простились мы с капитаном и моряками. Императрица с дочерью, великой княгиней Ксенией, и внуками, моими шурьями, временно поселились в Сан-Антонио, в губернаторской летней резиденции, предоставленной местным губернатором в распоряжение ее величества. Дворец окружали апельсиновые и лимонные рощи. Место было восхитительно. Что до нас, мы с родителями моими остановились в гостинице. И только тут наконец почувствовали себя в безопасности. От радости я и Федор отправились в тот же вечер по городским ресторанам. Всюду чествовали прибывших на «Мальборо». Загулявшие моряки, англичане и американцы, ходили с нами от кабака к кабаку и поили нас бесплатно. Несколько часов угощения – и мы дали деру, пока могли это сделать без посторонней помощи.

Дней через десять «Лорд Нельсон», завершив задание, прибыл из Генуи на Мальту, чтобы доставить императрицу в Англию. Государыня отплыла с дочерью и тремя внуками. В Лондоне она поселилась в Мальборо-хаус у сестры, королевы Александры, а великая княгиня Ксения с сыновьями, по приглашению Георга V, – в Букингемском дворце.

Мы с Ириной также не собирались гулять по Мальте вечно. Оставили дочь моим отцу и матери, уезжавшим на житье в Рим, и выехали с Ириниными братьями Федором и Никитой в Париж с заездом в Италию.

Отчалив 30 апреля, 1 мая мы ошвартовались в Сиракузах и попали в самый разгар всеобщей стачки. Коммунисты устроили шествие с красными флагами. На стенах было намалевано: «Evviva Lenine!», «Evviva Trotski!» и tutti quanti. От чего ушли, к тому и пришли. Настроение вмиг испортилось.

Отправки поезда пришлось, стало быть, прождать порядочно. Наконец, выехали. В Мессине пересели на паром и, переправившись через пролив, доехали до Рима благополучно. Новая забота – кончились лиры. К счастью, было с собой кое-что из ценностей. Почти все наши фамильные украшения остались в России, моя мать и Ирина спасли только то, что имели при себе, уезжая в Крым. Я заложил Иринино брильянтовое кольцо. Теперь мы могли спокойно продолжать путешествие.

Весть о нашем приезде вмиг облетела Париж. В отель «Вандом» повалили друзья. Все жаждали выразить сочувствие и послушать рассказ о наших мытарствах. Целый день шел гость и звонил телефон. Ни минуты покоя. Ювелир Шоме принес мешочек с брильянтами, оставшийся у него с того времени, когда переделывал он для Ирины старинные ожерелья. Мешочек был приятным сюрпризом: об этих брильянтах забыли мы начисто. Другим сюрпризом был автомобиль. Он по-прежнему находился в гараже, ждал нас пять лет. Упростились, стало быть, разъезды из Франции то в Италию, то в Англию, где остались все наши.

Где обосноваться самим нам, мы еще не знали. Ирина поехала проводить отца в Биарриц, а я отправился в Лондон устроить дела с квартирой, которую до сих пор нанимал, но сам впустил квартиранта в годы войны. Временно я остановился в «Ритце». В первый вечер в гостинице, чтобы заглушить тоску, стал напевать под гитару и вдруг услышал стук. Стучали в дверь, смежную с соседним номером. Я решил, что мешаю кому-то, и замолчал. Стучать продолжали. Я встал, отпер дверь, открыл... на пороге стоял великий князь Дмитрий. Я не виделся с ним со времен распутинского дела, когда стерегли нас с ним денно и ночью у него во дворце. Мы не знали друг о друге ничего, пока он не услышал за стеной лондонского гостиничного номера мой голос. Мы так обрадовались встрече, что проговорили до утра.

Следующие дни мы не расставались, однако вскоре заметил я, что Дмитриево обращение со мной несколько переменилось. В то время среди эмигрантов существовала монархическая партия, верившая в скорое возвращение в Россию и в восстановление монархии. Всякого, в ком члены партии видели будущего императора, старались отдалить от людей, по их мнению, опасных. Опять эти дворцовые интриги, каких всегда терпеть я не мог. К счастью, освободилась моя лондонская квартира. Я тотчас покинул гостиницу и вернулся в родные пенаты.

Вскоре Дмитрий навестил меня. Признался он, иные в его окружении хотят вырвать его из-под моего влияния и наговаривают на меня. Но он и сам понимал, что дело тут только в их личной выгоде. Да и к тому же не верил во все затеи эти. Просил не бросать его, даже предложил переселиться к нему неподалеку от Лондона. Я отвечал, что не время сейчас покидать Лондон. Беженцы из России прибывали, и первейшим долгом казалось мне помогать им. Впоследствии, правда, я и сам не знал, правильно ли сделал, что не переехал к Дмитрию. Один, он становился добычей интриганов, а эти только и ждали взять его в оборот и скомпрометировать.

Как же обрадовался я, когда очутился в своей квартире на Найтсбридже! Только тут теперь и был мой собственный угол! И прекрасно было все, с ним связанное! Вспоминал я о том, однако, не без грусти. С войной многих друзей юности я недосчитался.

Но вновь увидел я португальского короля Иммануила, герцогиню Ратлендскую с красавицами дочерьми, старушку миссис Хфа-Уильямс, и Эрика Гамильтона с Джеком Гордоном, оксфордских однокашников.

Недолго пробыл я в Лондоне, наводя порядок в квартире, где мы собирались временно поселиться. Вскоре уехал в Париж и провел там несколько дней, перед тем как ехать за Ириной в Биарриц.

В Париже веселились. Был день 14 июля, праздничное гулянье. На улицах радостно бегала толпа, ни пройти, ни проехать. Кричали, смеялись, целовались. Проходили ватаги людей с флагами, патриотическими плакатами. Пели «Марсельезу». С этой песней связаны у меня отвратительные картины революции. Вспомнилось многое мучительное, совсем еще недавнее. С горечью подумал я и о том, что, вопреки всем жертвам своим и благородству царя, Россия была брошена союзниками. Ничего не досталось ей от плодов победы. Положение оказалось болезненным и притом парадоксальным. В Париже русских знамен с триумфом не пронесли, а в России-то зверства творились во имя свободы – под французский гимн!

Повидался я со многими приятелями-парижанами. Побывал у Эмильены д'Алансон, которую давным-давно потерял из виду. Приняла она меня очень сердечно, даже задала бал-маскарад в мою честь. Я надел восточный шелковый черный халат и шитую золотом чалму. Собрался весь парижский полусвет. Гости были разряжены в пух и прах. Бал удался на славу. Царила атмосфера веселья и беззаботности, как вообще в послевоенном Париже.

В тот вечер узнал я, что некий голландский художник, как говорили, гений, заочно написал мой портрет, и якобы получился вылитый я. Я заинтересовался и пошел посмотреть. «Гений» этот мне сразу не понравился. Портрет тоже. Нет, верно, на портрете в бледном субъекте на фоне грозового неба какое-то сходство и было. Но от субъекта исходило что-то сатанинское. Я оглядел мастерскую. С удивлением заметил, что все кисти художника были иску-

саны – видимо, его же зубами. Это еще более усилило неприятное впечатление и от картины, и от него. Потом он поставил меня рядом с картиной. Глаза его перебежали с портрета на меня. Сравнением он, кажется, остался доволен и преподнес мне мерзкий портрет в подарок.

Вскоре его вдохновила моя фотография, увиденная им в иллюстрированном журнале. И он сделал мой новый портрет – изобразив меня в том самом восточном наряде, в каком красовался я на балу у Эмильены. И этот портрет преподнес мне также. Когда он сотворил мой третий портрет – на сей раз конный, – я написал ему письмо, прося его впредь подыскивать другие модели для своих шедевров.

Выехав на автомобиле в Биарриц, мы с Федором решили остановиться в Турени и осмотреть знаменитые замки Луары. Один из таких осмотров оказался непредвиденным, но и самым незабвенным.

По пути заехав на ночлег в Тур и выйдя вечером на прогулку, я увидел в витрине книжной лавки репродукцию с мужского портрета Веласкеса. Мне безумно захотелось увидеть саму картину. Я зашел в лавку и узнал от продавца, что портрет принадлежит испанцу по имени Леон Карвальо, владельцу замка Вилландри в нескольких километрах от Тура. Я решил заехать к этому испанцу на другой день по дороге. Но выехали мы рано утром, когда в гости не ходят. И все же захотелось попытать счастья.

Около семи утра мы подъехали к воротам замка Вилландри. Привратник, изумясь столь ранним гостям, спросил, приглашены ли мы, и, узнав, что нет, впустить отказался. Я настаивал. Он пошел к хозяину. Не жалуется псарь, да жалуется царь. И провели нас в картинную галерею, и я наконец досыта наслаждался веласкесовым портретом. Пока я стоял перед ним, дверь открылась и вошел сам хозяин в красном бархатном халате.

– Я очень рад, господа, что могу удовлетворить ваше любопытство, – сказал он. – Все же согласитесь, что для визита еще рановато.

Я назвал себя и извинился, прося не сердиться за бесцеремонность.

– Не сержусь, а радуюсь, – расшаркался хозяин, – ибо ей обязан я знакомством с вами.

Он повел нас по замку и показал его красоты. Прежние переделки обезобразили было всю эту архитектуру, но, купив замок, испанец вернул строение в первозданный вид.

Однако более всего понравились нам сады. С высокой террасы восхищались мы упорядоченностью и притом самобытностью их. Увитая виноградной лозой решетчатая изгородь. Рвы с водою, фонтаны и огороды. Грядки, устроенные, как клумбы, на французский манер. Перед домом – розы и самшитовые деревья, настоящий андалузский сад, родной сердцу испанца испанский рай в Турени.

На прощанье хозяин подарил мне на память репродукцию с «моего» Веласкеса. Гостеприимство его рассеяло наши угрызения совести.

В тот же вечер приехали мы в Биарриц. В Гасконь я влюбился с первого взгляда. Но долго быть здесь я не мог. Надо было возвращаться с Ириной в Лондон и устраивать житье. Успели мы, правда, побывать в Сан-Себастьяне на бое быков. Корриду я видел впервые. Зрелище и отвращало, и восхищало.

Спустя несколько дней мы уже сидели у себя дома на Найтсбридже. В свой черед великая княгиня Ксения с детьми переехала из Букингемского дворца в дом в Кенсингтоне.

В России к концу этого лета 1919 года генерал Деникин, тесня большевиков, наступал на Москву, а генерал Юденич шел к Петербургу. Радовались, однако, мы недолго. В ноябре Юденича разбили на подступах к столице. Деникин же чуть было не соединился с сибирской армией адмирала Колчака. Посланные на разведку деникинцы даже встретились с колчаковскими разведчиками. Соединение, казалось, состоится вот-вот. Все же большевикам удалось помешать ему.

Будущее было еще неясно, но ясно было, что беженцам-соотечественникам необходима помощь. По приезде в Лондон я тотчас снесся с графом Павлом Игнатьевым, председате-

лем русского отделения Красного Креста. Требовалось прежде всего организовать мастерские для трудоустройства эмигрантов, обеспечить военных бельем и теплой одеждой. Одна милая англичанка, миссис Лок, предоставила нам помещение в своем особняке на Белгрэйв-сквер. Помогла мне и графиня Карлова, вдова герцога Джорджа Мекленбург-Стрелицкого. Женщина была достойнейшая, энергичная, умная, любимая всей русской колонией. Она сразу же взяла на себя управление мастерскими. Шурья мои Федор с Никитой и многие английские наши друзья пришли на подмогу.

Дело стало расти. Вскоре на Белгрэйв-сквер повалили не только безработные эмигранты, но и те, кому просто приходилось туго. Дело, стало быть, ширилось, а средств не прибавлялось. Деньги таяли быстро. Поехал я по большим промышленным городам Англии. И встретил всюду сочувствие и понимание – не только словом, но и делом. Результат поездки превзошел все ожидания. Благотворительные вечера, устроенные с помощью друзей-англичан, также пополнили нашу кассу. Самой большой удачей оказалась пьеса Толстого «Живой труп», сыгранная в Сент-Джеймском театре с Генри Эйнли в главной роли. Великий артист не только сыграл. После спектакля он обратился к публике с потрясающей речью, призывая сограждан помочь русским беженцам, их недавним союзникам.

С утра и до вечера сидели мы на Белгрэйв-сквер. Ирина занималась беженками, а мы с графиней Карловой за большим столом принимали беженцев-мужчин – нескончаемый поток людей. Приходили за работой, советом, помощью. Однажды явилась даже целая делегация англичан, желавших записаться добровольцами в белую армию. Попросили они помочь с визой, ибо английские власти их вежливо выставили.

В другой раз в числе просителей оказался маленький странный человечек, которого я заметил тотчас. Он был уродлив, хил и робок, двигался скованно, как кукла. Голову держал набок и без конца улыбался – хитровато и угодливо. Были тут и комизм, и убожество, но и патетика. Напоминал он иных героев Диккенса и Достоевского. Он встал на колени перед графиней, поцеловал ей руку. То же и со мной. Потом сел на краешек предложенного стула и поведал свою грустную и жалкую историю.

Звали его Буль. Был он наполовину русак, наполовину датчанин и англичанин. В юности женился на девице, которую любил. Но с невестой случилось несчастье, и супружеский долг исполнять она не смогла. «Если хотите, – добавил он, – расскажу подробности». Тут графиня Карлова незаметно наступила мне на ногу, делая знак прекратить. Но я не послушался. «Валяйте, – сказал я, – подробности – самое интересное». Ободренный, рассказчик продолжил, а графиня встала и вышла. В общем, Буля мы взяли на службу, и оставался он у нас долго, хоть толком и неизвестно было, в чем состоят обязанности его.

Частенько навещали мы императрицу Марию Федоровну, гостившую в Мальборо-хаус у сестры, королевы Александры. Принцессы-датчанки ничуть не походили друг на друга. Напротив, каждая казалась типичной дочерью второй своей родины. Королева была старше и уже почтенных лет, но выглядела моложе сестры. Лицо гладкое без морщин, как у тридцатилетней. Она словно знала секрет вечной молодости.

Опозданиями своими она постоянно сердила сестру. Та была сама пунктуальность. Когда они шли куда-то вместе, императрица всегда спускалась первой и ждала копушу, лихорадочно шагая из угла в угол и грозно сжимая в руке зонтик. Королева наконец появлялась, но тотчас же сообщала, что забыла что-то. Начинались поиски. Императрица окончательно выходила из себя.

Мелкие ссоры ничуть, впрочем, не роняли престиж и достоинство государынь. Ни в ком из членов августейших домов, кого довелось знать мне, не встречал я столько величия и вместе с тем доброты и простоты.

По субботам собирались в нашей найтсбриджской квартире. Цыганские песни под гитару напоминали о России. Моя старая жилица, попугаиха Мэри, свободно разгуливала по гости-

ной. К гостям нашим у нее был свой интерес, в частности – русские папиросы. Она склеивала их дюжинами, а потом жадно косилась на пустые коробки.

Наши друзья приводили своих друзей, часто иностранцев. Атмосфера, радушная и немного безалаберная, влекла к нам всех. Иногда приходили люди и вовсе нам не знакомые.

В одно воскресное утро, после такого вот собрания, собираясь идти с Ириной в церковь, у себя в кабинете я открыл ящик письменного стола, где хранил деньги и ценности, и увидел, что мешочек с брильянтами Шоме исчез. Опрос слуг ничего не дал. Я велел им заняться поисками, пока нас не будет. Мешочек не отыскивали. Слуги наши были вне подозрений. Мы подумали на кого-то из вчерашних гостей. Я отправился к директору Скотленд-Ярда сэру Бэзилу Томпсону и рассказал дело. Сначала он попросил у меня список гостей. Но знал я не всех. Потому списка дать не мог. Да и не хотел. Все же он обещал искать вора и брильянты.

Прошли недели. Ни вора, ни брильянтов не отыскивали. Не нашли и потом. Разумеется, я сам был виноват, потому что взял себе за привычку и за принцип никогда ничего не запирать на ключ. Я считал, запереть – значит оскорбить слуг наших.

Кража брильянтов занимала некоторое время светские разговоры, но потом дело забыли, и никто уж о нем не вспомнил.

В Париже

Итак, мы в Париже, моем любимом городе. С ним связаны мои самые ранние воспоминания. Правда, пятилетнее дитя помнит лишь дома и лица. И от детских впечатлений оставался лишь смутный образ прабабки, графини де Шово, и парк-де-пренсовский особняк ее. В 1900 году я снова побывал здесь, но все еще мал был, чтобы разглядеть шарм и красоту французской столицы. Порядочные отцы и матери возили свое чадо по Европе, дабы образовывать его. Их образовательная программа не включала многих парижских прелестей. Только годы спустя, путешествуя с братом, я в полной мере оценил несравненный город этот, полный искрометного ума и веселья. Мне нравились величавые памятники, шумные улицы, вольный столичный дух. И потом, в России, из домашней неги и роскоши тянуло меня в далекий волшебный город. Не имея в те поры забот о хлебе насущном, я частенько возвращался сюда и всякий раз открывал в этом городе новые прелести. Был я в Париже в 1914 году, накануне первой мировой. И вот я здесь снова, в 1921-м. Франция победила, но двуглавый орел обезглавлен, Россия утонула в крови, а у нас, россиян, впереди годы и годы хождения по мукам на чужбине. Но можно ль не улыбнуться Парижу? В ответ на его улыбку, и протянутую руку помощи, и поддержку, и массу возможностей и обещаний... И хвала Господу, что, изгнанный из России, жил я в Париже!

Временно остановились мы в гостинице «Вандом» и тотчас пустились на поиски жилья. Манил нас левый берег и Пале-Рояль. Нигде, однако, ничего. Агентство предложило дом в районе Булонь-сюр-Сен, по адресу: улица Гутенберга, 27. К дому прилегало два милых флигелька: один с выходом на передний двор, другой – за дом, в сад. Дом нам глянулся, мы купили его. Так судьба привела меня к местам моего детства. Покупка наша оказалась частью бывшего прабабкиного владения.

Прежде чем выписать свою лондонскую мебель, в доме я затеял кое-что изменить. Ирина в отличие от меня не была охотницей до переделок. Она подхватила и поехала в Рим пересидеть строительные работы. Я же понаблюдал за началом, сделал распоряжения и в свой черед решил задать стрекача. После операции оправился я еще не вполне. Хотелось побыть где-нибудь на покое и запастись силами на новые тяжкие труды по организации помощи эмигрантам, которые думал продолжить в Париже. Много нахваливали мне санаторию в горах близ Ниццы. Место показалось подходяще, и я поехал.

Хваленое заведение и впрямь, увидел я, преотлично. Одно «но», о чем никто прежде не заикнулся: приезжали сюда дамы и девицы для тайных родов. Медицинские сестры были

прехорошенькие. Ко мне для ухода приставили красотку-шведку. Покончив с дневными обязанностями, она приходила ко мне по вечерам с подругами.

Тяжелобольных в заведении не имелось, и я велел принести к себе в комнату рояль. Стал я обучать барышень цыганским песням. Мы пели их хором, танцевали. Вечера пролетали незаметно. Кстати, и погребок в нашей санатории был полон. Шампанского пей не хочу. Может, не за тем я сюда приехал, зато не скучал. Своего Буля я привез в санаторию также и однажды нарядил его медицинской сестрой. Он был так уморителен в суровом женском платье, что я велел ему носить его до конца нашего пребывания.

Едучи сюда, адреса я никому не оставил и рассчитывал, что обойдется без гостей. Каково же было мое удивление, когда пожаловал ко мне бывший русский офицер Владимир Макаров, ставший поваром в семейном пансионе. Я не видел его аж с петербургской поры. Пришел он в затрапезе, но и тут выглядел элегантно, к тому ж пережитые испытания ничуть не убили в нем природной веселости. Он прекрасно пел и музицировал, словом, был находкой для наших вечерних посиделок. Вскоре появился Федор, и ростом и статью, как всегда, всех покорила. Потом по дороге из Рима заехала Ирина и сильно удивилась, что муж ее отдыхает в родильном доме. Макарова мы решили оставить при себе насовсем в качестве повара.

По возвращении домой нас ждал неприятный сюрприз. Переделки, вопреки нашим ожиданиям, не закончились. Лондонская мебель стояла как попало, в кучах щебня и мусора. Тут же несколько дней находились и мы.

Наконец, однако, все наладилось. Мебель и картины с гравюрами оказались где положено, комнаты приняли жилой вид. Своими сине-зелеными тонами они напоминали наши найтсбриджские апартаменты. Пристройки отвели мы для беженцев. В одной, бывшем гараже, внизу я устроил театрик. Художник Яковлев украсил его фресками – фигурами муз. В Терпсихоре узнавалась Павлова. Зал-гостиную отделили от сцены занавесом. В углубление на лестнице, ведущей в комнаты, красовалась яковлевская Леда. Стены вокруг каминного зеркала расписаны были арфами и лирами, а потолок создавал иллюзию шатра.

Не успели хлев превратить в дом, повалила родня, и дом превратился в ночлежку при армии спасения. Наш Макаров был вне себя от такого количества едоков. А едоков становилось все больше, и Макаров кричал, что лучше б их всех удавить.

По вечерам собирались в театрике в пристройке. Зала была у нас самым большим помещением. Кто музицировал, кто беседовал о пережитом. Все восхищали нас стойкостью и спокойствием. Ни слезинки, ни жалобы. Обломки кораблекрушения, русские эмигранты все ж оставались открыты и жизнерадостны.

В эмиграции оказались представители самых разных слоев общества: великие князья, знать, помещики, промышленники, духовенство, интеллигенция, мелкие торговцы, евреи. То есть не только люди богатые, но и лишенные имущества. Тут была сама Россия. Почти все потеряли все. Приходилось зарабатывать, кормиться тяжким трудом. Кто пошел на завод, кто на ферму. Многие стали шоферами такси или поступили в услужение. Их дар приспособиться был поразителен. Никогда не забуду отцову родственницу, урожденную графиню. Графиня устроилась судомойкой в кафе на Монмартре. Как ни в чем не бывало пересчитывала она мелочь, брошенную в тарелки на чаевые. Я приходил к ней, целовал ей руку, и мы беседовали под звук спускаемой в уборной воды, как в великосветской петербургской гостиной. Муж ее служил гардеробщиком в том же кафе. Оба были довольны жизнью.

Стали появляться русские предприятия. Открылись рестораны, ателье, магазины, книжные лавки, библиотеки, школы танца, драматические и балетные труппы. В Париже и пригородах строились православные храмы со своими школами, комитетами вспомоществования и богадельнями. Послевоенной Франции не хватало рабочих рук. Париж само собою стал центром эмиграции. Тем более что Германия эмигрантам двери закрыла. Германия в самом деле со времени Брест-Литовска снюхалась с большевиками. Франция же, по крайней мере тогда, гля-

дела на них враждебно. Писатель-эмигрант Семенов, писавший об эмиграции, приводил текст доклада, представленного в 1920 году бельгийскому правительству священником из Ла-Шоде-Фона пастором Дрозом. Пастор передавал разговор, который имел с Лениным в Москве. Ленин сказал:

«Немцы нам естественные союзники и помощники. Они проиграли, потому у них теперь волнения и беспорядки. На этой волне им самое время разорвать версальский ошейник. Они думают – реванш, а мы – революция. Сейчас нам с ними по пути. И будем мы вместе, пока на руинах старой Европы не встанет вопрос о гегемонии – Германии или европейского коммунизма».

Но всех русских отличал единый дух. Народ россияне в большинстве своем не любил большевиков и, живя в условиях террора, не отступился от православной веры. А церковь и вера народная были главными врагами советской власти, и она это знала. Ну, а что до эмигрантов, так те и вовсе старались объяснить правительствам стран, где жили, опасность большевистской заразы. От них же самих никаких волнений и беспорядков, в общем, быть не могло.

Кто останется равнодушен к их бедствиям? Я попытался и во Франции искать помощи у богатых людей, но ответа не получил. Возможно, после войны французы, потерпев более итальянцев и англичан, о своей разрухе думали и расщедриться не хотели. Словом, интерес к нам угасал. Да и ясно, что всеобщий порыв сочувствия к русским беженцам не мог длиться вечно.

А беженцам вечно надо было есть, спать, одеваться. И они по-прежнему обращались к нам. В самом деле, никто не верил, что от колоссальных юсуповских богатств остались рожки да ножки. Считалось, что у нас счета в европейских банках. А считалось напрасно. В самом начале войны родители перевели из Европы в Россию весь заграничный капитал. От всего, что было, остался только дом на Женевском озере, несколько камушков да безделушек, увезенных в Крым, да еще два Рембрандта, тайком укативших со мной из Петербурга, благо у большевиков прежде не дошли до них руки. А когда красные появились в Крыму, я завесил их в кореизской гостиной невинными цветочными натюрмортами двоюродной сестрицы своей Елены Сумароковой. Теперь Рембрандты были в Лондоне. Мы оставили их на Найтсбридже, едучи устраиваться в Париж.

Весной 1921 года с деньгами у нас стало совсем туго. На поддержку беженцев ушло все. На самих себя и на тех же беженцев пришлось заложить часть драгоценностей. Остальное мы продали, а Рембрандтов решили тоже или продать, или заложить. Стоили они, понятно, немало.

Я отправился в Лондон. Брильянты продал без труда, а вот с рембрандтовскими шедеврами неожиданно возникли трудности.

Один друг мой, Георгий Мазиров, известный своей деловой сметкой, свел меня с богачом и известным собирателем картин американцем Джо Виденером, находившимся в то время в Лондоне. Он посмотрел картины, но счел, что двести тысяч фунтов, в которые их оценили, чересчур дорого. Предложил сто двадцать.

Мы долго спорили, наконец подписал я такую бумагу:

«Я, Феликс Юсупов, согласен получить от г-на Виденера сумму в сто тысяч фунтов в течение одного месяца со дня даты, указанной сим договором, за два портрета Рембрандта с правом выкупа их в любое время до 1 января 1924 года включительно за ту же сумму плюс восемь процентов, считая от момента заключения сделки продажи».

Несколько дней спустя Виденер отбыл в Соединенные Штаты, накануне подтвердив мне обещание выслать по приезду в Филадельфию деньги в обмен на картины.

Дело было в начале июля. 12 августа Виденер известил меня, что заплатит условленную сумму только, если я подпишу еще один договор, в котором обязуюсь в случае выкупа мной картин не продавать их более никому в течение десяти лет.

Я был потрясен. А я-то, положась на обещания Виденера, преспокойно подписывал своим кредиторам горящие чеки! Пришлось принять его условия, чтобы не опозориться. Так, взятый за глотку, я согласился подписать второй договор. А ведь помнил я, как в Париже ахал и охал Виденер над бедствиями наших эмигрантов. Значит, не бесчувственен он? Может, на этом-то и надо было сыграть... Я пошел к лучшему лондонскому адвокату, мэтру Баркеру. Баркер объявил, что и первый договор в силе, и я сохраняю за собой право получить в полное свое распоряжение картины, если смогу выкупить их до указанного в документе срока. Мэтр составил свой вариант второго договора. Я отослал бумаги Виденеру, приложив записку – воззвание к его совести:

«Несчастливая страна моя потрясена небывалой катастрофой. Тысячи моих сограждан умирают с голоду. Потому вынужден подписать предложенный договор. Прошу вас перечитать его и буду крайне признателен, если вы сочтете возможным пересмотреть некоторые формулировки. Документ мной подписан. Теперь вся надежда на вашу добрую волю. Взываю к совести вашей и чувству справедливости».

Виденер не ответил. Да я и не ждал: не в моих правилах ловить журавлей в небе. Синица была у меня в руках, это главное. Притом и понимал я, что в нашей эмигрантской жизни все это только еще цветочки.

Во Франции моя скандальная известность стала причинять мне сильнейшие страдания. Куда ни пойду – провожают взглядами, шепчутся за спиной. Прежде, в Англии, такого не было. Англичане сдержанны и воспитанны.

Но хуже взглядов исподтишка на улице были бесцеремонные, неуместные или неприличные вопросы в гостиных. Одна хозяйка дома даже заявила при гостях: «Юсупов войдет в историю как полуангел – полуубийца!».

Думаю, потому и отошел я от светской жизни. Деланность людей комильфо меня тяготила. Милей мне были люди, хлебнувшие горя и ставшие самими собой, или же те чудачки и сумасброды, к каким тянулся всегда.

В остальном я по-прежнему занят был судьбой эмигрантов. Проблема казалась неразрешимой, но решать я ее старался. В отличие от русского генерала, который бегал по площади Согласия с криком «Все пропало, пропало все!», я поражений не признавал.

Я рассказал обо всем давнему другу юности, Уолтеру Крайтону. Тот свел меня с миссис В. К. Вандербильт.

Ради иных американцев полюбишь Америку. Миссис Вандербильт приняла наше дело близко к сердцу и обещала искать помощь на родине. А сделала много больше, чем обещала. Проявив огромный организаторский талант, открыла контору по трудоустройству эмигрантов, отдав под нее три комнаты в своем роскошном особняке на улице Леру.

Спасибо ей, подруге и помощнице, и верному другу Крайтону, и князю Виктору Кочубею: их стараниями наша новая организация трудоустроила многих и многих эмигрантов.

Среди помогавших иностранцев миссис Вандербильт оказалась не одинока. Были и еще две американки, княгиня Буонкампаньи (титул и фамилия по мужу-итальянцу) и мисс Кловер. Вечно благодарны им русские во Франции. После войны мисс Кловер вернулась в Париж и осталась в числе друзей наших. Другая благодетельница наша – англичанка мисс Дороти Паджет. Ее пожертвование помогло открыть дом для престарелых в Сент-Женевьев-де-Буа. Директорствовала в нем княгиня Вера Мещерская. С годами необходимость в нем росла и росла. Кстати, именно там – знаменитая православная церковь и кладбище, где несчастные изгнанники нашли последний приют.

В те же годы открыли мы салон красоты, где иные русские дамы под руководством врачей и косметологов освоили азы массажа и макияжа и смогли зарабатывать на кусок хлеба.

Ирина всегда была охотницей до прикладного искусства, как, впрочем, и я. Основали мы школу художественных ремесел. Ученики осваивали их и получали профессию. Школу я

поручил профессору Глобе. В Москве он руководил подобной школой. Руководитель был он прекрасный. Но ни вкуса не имел, ни выдумки. Потому мы вечно с ним ссорились, пока совсем не расстались. На его место я принял Шапошникова, и моложе, и артистичней.

Организации помощи стали расти как грибы. Я отдавался работе весь, без остатка, так что все окружение мое, и сама Ирина, забеспокоились. В Риме матушка даже забила тревогу, решив, что добром это не кончится, и молила меня умерить пыл.

А жизнь в нашем булонском доме шла своим чередом. В феврале 1922 года сыграли свадьбу шурина Никиты. Женился он на подруге детства, красавице графине Марии Воронцовой.

Дом наш был гостеприимен, весел и всегда полон. Правда, не все гости приходились Ирине по вкусу. Не любила она старую деву Елену Трофимову, которую прежде приютил я. А старуха оказалась недурной музыкантшей и хлеб свой отрабатывала, сидя аккомпаниаторшей на наших вечерах. Созданье без возраста и пола, была, однако, великой кокеткой и в гостиную являлась в прозрачной кофточке, открывая то, что лучше бы скрыть. Венчало обворожительницу огромное страусовое перо на макушке.

Однажды летом Буль с загадочным видом доложил, что со мной желает говорить польский граф. У Буля и всегда был вид загадочный, но на сей раз – оправданно. Незнакомец выглядел престранно: кубышка, с большой головой и коротким туловищем, почти карлик, в поношенной куртке, клетчатых брюках и огромных стоптанных штиблетах. Перчатка была одна, и та дырява. Войдя, он встал в непринужденную позу, заведя ногу за ногу и вращая бамбуковой тростью. «Ну, чистый Чаплин», – подумал я. Я прервал вращенье, спросив, чем могу быть полезен. Театральным жестом шут гороховый снял зеленую фетровую шляпу с пером и поклонился поклоном позапрошлого века.

– Ваше сиятельство, – сказал он, – судьба потомка славного рода в ваших руках. Ищу места. Прошу принять меня на службу.

Я отвечал, что слуг у меня достаточно, да и жить в доме более негде.

– Ваше сиятельство, – продолжал коротышка, – пусть сие вас не беспокоит. Господь наш Иисус Христос родился в стойле. Ночевать могу на чердаке на соломе.

Я развеселился и готов был сдать. Спросил его, какую работу может он выполнять. Он подошел к кувшину с розами, взял одну, долго нюхал, потом сказал:

– Обожаю цветы, ваше сиятельство. Буду садовником.

Ирина, узнав о том, не одобрила. Более того, раскричалась. «Мой дом, – повторяла она, – не цирк!» Ей, понятно, и без нового клоуна вполне хватало Буля с Еленой.

Ирина была, конечно, права по-своему. Вечерами, пробегав целый день по нашим богадельням, я развлекался, глядя на чудаков. А все остальное время сумасброды были на ней. Она нянчилась с ними, без конца мирила их меж собой и успокаивала.

В данном случае Ирину правота подтвердилась быстро.

На другой день ни свет ни заря разбудили нас лай и кудахтанье. Я подскочил к окну: в саду новый садовник, вооружась шлангом, поливал все что угодно, кроме цветов. Куры и собаки в панике отскакивали и встряхивались.

Открылось еще одно окно. Проснувшись на шум, выглянула старуха Елена. И черт же ее дернул! Струя оборотилась к ней и окатила ее с головы до ног. «Получай, – крикнул потомок славного рода, – о бесплодный цветок, свою порцию любви!»

В полдень того же дня ко мне впервые пожаловал Бони де Кастеллан. Выглядел он, как всегда, импозантно, в костюме с иголочки. Макаров и граф-садовник, говоря наперебой по-русски, вели его к флигелю, где репетировала певческая труппа. День выдался знойный, были мы все почти нагишом. Бони и бровью не повел. Благосклонно выслушал он импровизированный в его честь концерт, все с тем же важным видом. О впечатлении он поведал нам в своих «Воспоминаниях». Пересказать это впечатление имеет смысл только дословно. Сравнив меня с Антиномем, Нероном, Чингиз-ханом и Нострадамусом, Бони пишет:

«Сей образ, несколько демонический, долго сиял в петроградских зеркалах. И вот я пришел и узрел, что дворец его – простой домишка в Булонь-сюр-Сен, а свита – собаки, попугаи да множество челяди из неудачников, коих приютил он по доброте душевной: вон один, садовник за работою в тужурке, перчатках, и дырявой охотничьей шляпе, а вон и другой, повар, бывший офицер лейб-гвардии.

Госпожа их, княгиня Юсупова, урожденная великая княжна, рассудительна и добра. Вера и надежда княгини в будущее России достойны восхищения.

Не прошло и пяти минут, как явился из погреба певческий хор и в мою честь исполнил лучшие русские народные песни и гимны. Далее показали мне старый сарай, превращенный в театр и убранный наисовременнейше, где князь предполагает разыграть любимые свои пьесы.

Атмосфере прекрасного, благоуханного распада я был чужд по природе своей латинской, практической и логической, и, однако, жалел бедного князя, непонятного и притягательного, и наслаждался неизбывной прелестью жизни безалаберной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.